

Аутентичность кварталов Стамбула: локальные сообщества и дизайн пространства

А. П. Артеменко¹, Юджесои Эда Юнлю²

¹ Харьковская государственная академия культуры,
Украина, 61057, Харьков, Бурсацкий спуск, 4

² Стамбульский Шехир университет,

Турция, 34865, Каргал — Стамбул, кампус Драгос, квартал Орхантепе, бульвар Тургут Озал, 21

Для цитирования: Артеменко А. П., Юджесои Эда Юнлю. Аутентичность кварталов Стамбула: локальные сообщества и дизайн пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 164–175. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.204>

Предметом исследования является урбанистическое пространство исторических районов современного мегаполиса. Это пространство представлено как контингентное, топологическое образование, которое формирует коллективные идентичности и модели социального поведения. Авторы исследуют механизм визуализации социальных практик сообщества исторических районов Стамбула (Эдикуле, Султан Селим Явуз, Балат и Дервиш Али). Авторы доказывают, что дизайн пространства отражает процесс конвертации нетрадиционных социокультурных практик в общей социальной среде города. Аутентичность города представлена как результат осознания различия повседневных традиций локальных сообществ. Использование междисциплинарного подхода в исследовании позволило выявить маркеры культурных и социальных практик населения исторических районов Стамбула, а также провести сравнительный анализ городской культуры традиционных обитателей и мигрантов. Сочетание исторического, социологического и культурологического подходов помогло проанализировать процессы образования культурных норм и ценностей, сформированных различными группами мигрантов. В статье излагается авторский взгляд на историю формирования представления об аутентичности районов Стамбула. Авторами описана региональная специфика визуальных практик и специфика формирования социального поведения горожан. Продемонстрировано влияние региональных мигрантов на организацию физического и социального пространства районов. Визуальные практики — это одновременно форма адаптации мигрантов и конвертации практик в среде города. Определены визуальные маркеры исторических эпох и культурных влияний на формирование современного городского пространства Стамбула. Проведена визуальная идентификация объектов, которые отражают социальные практики и соответствующие им визуальные изменения городского пространства разных периодов.

Ключевые слова: дизайн пространства, локальные сообщества, визуальные практики, повседневность, урбанизм, аутентичность.

Введение

Культура потребления в XX веке создала унифицированное городское пространство торговых центров, сетевых магазинов, кафе, отелей и т. п. Это выявило проблему потери городами аутентичности, на что обратили внимание исследо-

ватели города в начале XXI столетия [1; 2]. На первое место выступили эстетический и эмоциональный факторы восприятия города, определяющие комфорт повседневной жизни дизайном пространства. Это стало темой дискуссий на токийской конференции «Ландшафты глобального урбанизма: власть, маргинальность и креативность» (*Landscapes of Global Urbanism: Power, Marginality, and Creativity*) в 2008 году [3], предметом обсуждения ряда исследователей в 2000-х годах и практически одновременного появления работ Я. Гейла [4], Ш. Зукин [1], Д. Кубана [5], в которых обозначен переход к новой урбанистической парадигме, возвращению «человеческого масштаба» архитектуре и уюта повседневности, что связывается с аутентичностью городской среды. В 2010-х годах тема влияния дизайна пространства на эмоциональное состояние горожан и формирование благоприятной урбанистической среды получила продолжение в дискуссиях о борьбе городов за человеческий капитал. Это главный предмет обсуждения на Московском урбанистическом форуме последние пять лет [6; 7] и в ежегоднике *Istanbul Urban Age* [8]. Мы видим возвращение к современной схеме представлений о городе как ностальгию по утраченной аутентичности. Аутентичность города становится новым трендом развития урбанистического пространства.

Современная урбанистика сосредоточена на проблемах города как среды существования человека, связи ментального образа города и его материальной структуры. Опираясь на теоретические и методологические положения акторно-сетевой теории [9; 10], мы рассматриваем город как социально-пространственный объект. Современное урбанистическое пространство — контингентное топологическое образование, формирующее коллективные идентичности и модели социального поведения. Урбанистическая культура представлена как сфера социального взаимодействия, где материальные объекты выступают ключевым механизмом визуализации социальных практик. При этом визуальные практики понимаются как способ конвертации нетрадиционных и традиционных социокультурных практик в общей социальной среде города.

Это позволило усовершенствовать анализ культурных и коммуникативных практик, социальных и экономических изменений в городском сообществе. Темы переделки городского (социального) пространства и изобретения повседневности, представленные в работах М. де Серто [11] и П. Бурдьё еще в 1990-х годах, получили свое продолжение в работах урбанистов 2000-х, в том числе и турецких исследователей Э. Исин [12], Ч. Кафеджиолу [13], А. Коджабас [14; 15], Б. Чам [16], Й. Югур [17]. В результате мы получили достаточно разнообразную базу исследований по истории османского города, основанную на анализе архивных материалов, налоговой статистике, правовых актах и судебных решениях, мемуарной литературе. Одним из примеров таких фундаментальных исследований стала десятитомная «Большая историческая энциклопедия Стамбула» [18].

Урбанистическая среда — феномен, визуализирующийся в разных формах дизайна пространства. Эмпирические исследования культурной среды города предусматривают использование междисциплинарного подхода. В статье мы представим обобщенные результаты ряда исследований, проведенных Центром урбанистических исследований университета Шехир (Стамбул). Во-первых, это проект «Стратегическое видение, полевые исследования в областях культурного наследия ЮНЕСКО в Стамбуле и предложения по плану действий. 2015–2016» [19], направленный на

целостное сохранение и разработку стратегии управления четырех районов, включенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО в Стамбуле. Во-вторых — «Изучение внутренней миграции в Турции: 1985–1990, 1995–2000 годы. Миграционные потоки и характеристики иммигрантов» [20]. В-третьих — «Рабочие места в Стамбуле 1900–2011 годов: изменение и преемственность в структуре и составе рабочего места столичного центра» [21]. Материалы опросов, интервью и анализа фокус-групп, представленные в этих проектах, послужили основой для выводов в нашей статье.

В 2018 году нами проведено исследование дизайна исторических районов Стамбула, решающее задачи: 1) сравнительного анализа визуальных проявлений урбанистической культуры исторических районов Стамбула; 2) исследования механизмов конвертации нетрадиционных и традиционных социокультурных практик в общей социальной среде города; 3) определения региональной специфики визуальных практик в системе формирования социального поведения горожан.

Были выявлены дискурсивные структуры дизайна города, влияющие на формирование локальных сообществ [22]. К ним можно отнести порядок квартальной застройки, дизайн зданий, улиц и скверов. Проведена визуальная идентификация объектов, отражающих социальные практики и соответствующие им визуальные изменения городского пространства Стамбула. Это, в свою очередь, позволило провести анализ механизма конвертации нетрадиционных и традиционных социокультурных практик, то есть привнесения и принятия как нормы повседневных практик мигрантов, которые со временем принимаются как аутентичные городские практики. Это можно проследить на примере культуры семейной трапезы, городского пикника, культуры кафе, использования публичного пространства.

Как складывается аутентичность города

Стамбул наполнен жителями, рожденными в других регионах, с иными социокультурными особенностями. По численности населения и темпам роста он возглавляет тройку крупнейших урбанистических центров Европы. Численность населения на 01.01.2018: Стамбул — 15 029 231, Москва — 12 506 468, Лондон — 8 787 892 чел. При этом в Стамбуле мы видим самый сильный демографический скачок в 1980–2000 годах с 5 842 985 до 10 018 735 чел. Динамика роста населения сохраняется как самая высокая в Европе.

Увеличение площади города проходит пропорционально росту численности населения [8, p. 26]. Это заметно при сравнении карт Стамбула 1980-х, 2000-х и 2010-х годов [23]. Новые районы с новой инфраструктурой приняли значительное количество поселенцев. Исторические районы Стамбула перестали быть ареалом расселения больших масс мигрантов. Сегодня на территории за Феодосиевыми стенами проживает 3 % от всех жителей города, что привело к формированию нового образа города и проблемам определения аутентичности.

Европеизированные районы Бейоглу, Шишли, Бешикташ, которые в середине XX века были противоположностью Фатиха, сейчас воспринимаются как носители аутентичности Стамбула [24]. Старение районов (архитектура, дизайн общественного пространства, социальные практики) превращает их в образец истинно стамбульской жизни. В знак закрепления этого образа на площади Таксим появилось здание мечети — своеобразный ответ на упрек Я. Кемалья, что в Бейоглу «не услы-

шишь призыва к молитве». Символическое присвоение этой территории турецкой и старостамбульской культуры завершилось. Некогда европеизированная часть Стамбула обрела истинно стамбульскую аутентичность.

Мы обращаемся к проблеме аутентичности тех районов, которые для турецких писателей середины XX века Я. Кемалю и А. Х. Танпынара были хранителями «истинно турецкой культуры» и «истинно стамбульской аутентичности». Аутентичность, применимая к характеристике города, означает традиционность, подлинность, самобытность. Это ментальный образ, закрепленный в сознании как обитателей города, так и его окружения (страна и иностранцы). Безусловно, это динамическая структура, ансамбль социальных, культурных и экономических условий. Мы видели, как противоположности ментального образа Стамбула XX века — образы районов Бейоглу и Фатих — сливаются в единое представление о «стамбульскости» в начале XXI века. Аутентичность может быть рассмотрена в более узком смысле как взаимополагание пространственных и социальных структур, которое формирует культуру города.

Объекты нашего исследования — районы Эдикуле, Султан Селим Явуз, Балат и Дервиш Али. Это кварталы, существовавшие на протяжении всей истории города, несколько раз кардинально менявшие статус, этнический состав и экономическую специализацию. Долгое время эти территории не были затронуты современными инфраструктурными проектами, что привело к формированию специфической пространственной среды, локальных сообществ и социальных практик. Изучение связи пространственных структур и возникших в них сообществ и практик стало задачей нашего проекта. Выбранные районы Стамбула дают возможность исследовать процесс стихийного формирования городского пространства, где роль девелоперов, застройщиков, планировщиков и представителей властных структур сводилась к функции легализации сложившейся ситуации и следованию локальной практики конструирования и коммерциализации пространства. Проблема идентификации этой территории начала обсуждаться в последние десять лет и отражена в работах Д. Кубана [5], Э. Юджесоя [25], А. Коджабаса [14], Л. Яника [26].

Районы схожи по численности и социальному составу населения (Эдикуле — 17 463, Балат — 16 276, Явуз Султан Селим — 19 485, Дервиш Али — 20 380 чел.). Здесь преобладает трех-четырёхэтажная застройка. Дома постройки 1970–1990-х годов имеют элементы реконструкции и уплотнения начала 2000-х годов. Прослеживается деление улиц по принципу «торговые» и «жилые». На торговых улицах находятся магазины на первых этажах жилых зданий с маленькой торговой площадью, которые редко специализируются на определенной группе товаров. Исключение составляют пекарни и кондитерские. Нет офисов фирм. Для всех районов характерной чертой является торговля вразнос, уличные базары, которые проводятся по определенным дням недели.

Долгосрочные обитатели города

За последние 50 лет структура населения исследуемых районов не изменилась. Две волны миграции 1980-х и 2000-х годов увеличили численность населения районов, но не изменили его качественные характеристики — низкий образовательный уровень и материальный достаток ниже среднего [8; 25; 26]. Это городские районы

с дешевой арендной платой, невысоким качеством жилья и инфраструктуры. Выбор района переселенцем представлял собой компромисс: он соглашался на условия низкого качества жизни (привычного для большинства мигрантов) при возможности получения работы. Это убедительно продемонстрировали исследования Центра урбанистических исследований университета Шефир [20; 21]. При этом в организации повседневной жизни районов выстраивается параллельная система практик, которую переселенцы переносят из прошлого культурного опыта [26]. По мере увеличения числа переселенцев с аналогичными запросами и моделями поведения сформировался особый образ жизни, в котором доминировали практики переселенцев.

Это наиболее заметно в районе Эдикуле, который до сегодняшнего дня играет роль «аграрного анклава» Стамбула. В первой половине XX века специфика организации пространства района в приморской и внутренней части становится очень контрастной. Исследование карт города XX века выявило резкий переход от правильной прямоугольной «решетки» приморских кварталов к круговой организации внутренней части Эдикуле. Такой переход не был обусловлен рельефом местности [23]. Круговая структура улиц образуется как прерывание исторической магистрали от центра города к Белградским воротам по улице Коса Mustafa Pasa. Образование круга связано с развитием комплекса мечети Коса Mustafa Pasa (с 1491 года), бывшего византийского монастыря и храма Андрея Первозванного [13, p. 27–34].

На карте Стамбула 1934 года эта территория Эдикуле обозначена как незастроенная. По данным городской статистики на 1927 год здесь официально зарегистрированы в качестве огородов 38 участков [27, p. 260]. Аэрофотосъемка 1966 года фиксирует отсутствие застройки и сохранение аграрной специализации этой территории [23]. Плотная застройка подтверждается только фотосъемкой 1970 года [23]. Это результат программы уплотнения, описанной Д. Кубаном как временное решение проблемы дефицита жилого фонда Стамбула. Новые улицы вписываются в круг, образованный более ранней системой улиц. Так, улица Cambaziye, обозначенная на карте 1934 года как небольшой аппендикс между садов и огородов, соединяется с Носа Kadın только к 1980 году.

Такая организация пространства района подтверждает наш тезис о том, что мигранты перенесли свой образ жизни в черту города. Сады, огороды, ирригационные системы запечатлены на фотографиях Эдикуле середины XX века [27, p. 260–324]. Вид зданий и организация пространства вокруг них напоминают сельскую застройку и круговой порядок улиц, характерный для сел.

Образ районов представлен в романе О. Памука «Стамбул. Город воспоминаний», в главе 26 «Печаль руин». Автор ссылается на публикации Я. Кемаля и А. Х. Танпынара 1930-х годов, где воспеты «бедные окраины Стамбула» и традиционный образ жизни их обитателей. О. Памук замечает, что писатели создали собирательный образ жителей этих районов как хранителей моральных устоев и трудовой этики, завещанной «нашими дедами и прадедами». Но в контексте нашего исследования можно утверждать, что это не было созданием образа. Население, появившееся здесь в 1920–1930-х годах, — это беженцы из сельских районов балканских стран, попавшие в Стамбул после этнических чисток в Болгарии и Греции. Эти люди попали в более лояльное окружение в Стамбуле, что способствовало консервации их образа жизни. Они сохранили повседневные практики и привычную со-

циальную структуру сообщества, что прекрасно подтверждается визуальными источниками этого периода. Поэтому можно сделать вывод, что Я. Кемаль и А. Х. Танпынар не создали образ, а скорее зафиксировали факт привнесения устойчивой модели идентичности в социальное пространство Стамбула. Эта модель идентичности для самих писателей была дистанцирована во времени, что создало условие для идеализации повседневных практик носителей этой идентичности. Контраст европеизированного окружения и традиционного образа жизни был воспринят как появление аутентичности. Тот образ жизни, о котором говорили Яхья Кемаль и А. Х. Танпынар, стал ассоциироваться с аутентичностью, поскольку авторы ощущали его отличие от современных практик стамбульцев.

По мнению Д. Кубана, город пережил серьезную трансформацию в 1876–1913 годах, связанную с индустриализацией, изменением структуры управления, появлением новых кварталов с новым качеством жизни, ростом населения [5, р. 454]. За эти полстолетия создалась иная система повседневных практик, которая в 1920–1930-е годы сталкивается с некой архаической моделью поведения мигрантов. При этом эффект усиливался на фоне новой волны вестернизации Стамбула под влиянием проектов городского планирования Г. Проста [5, р. 504–520].

Последствия этих процессов середины XX века ощутимы и сегодня. Мы видим их в системе организации физического и социального пространства исследованных районов. Феномен городской деревни здесь проявлен наиболее ярко. Близкое соседство и равный социальный статус жителей создали особый вид сообщества и особую форму организации пространства города, позволяющие реализовать специфический тип социальной коммуникации.

Интересен процесс оттока населения из этих районов. Вероятно, здесь срывает принцип самоидентификации через отрицание. Переезд означал изменение социального статуса. Это декларация несогласия с условиями первичной адаптации к городу. Если кто-то имеет возможность и желание покинуть эти районы, то это происходит как разрыв со старой моделью социальных связей и поведения. Кроме того, система организации пространства в новых районах перестраивает и систему социальных отношений и норм. Хотя некоторые элементы повседневных практик остаются, например пикник на газоне или чай на улице вне кафе. Со временем эти черты превращаются в символическое проявление аутентичности всего города.

Укоренение

Формирование аутентичности связано с распространением устойчивых социальных практик и моделей поведения. Белье, которое сушится на улице, овечья шерсть, разложенная на тротуаре, завтрак на улице перед домом — примеры повседневных практик, которые принимаются сообществом. При этом к другим практикам отношение будет избирательное.

Создание аутентичности предполагает два компонента: то, что было на этом месте все время, и то, что создано отдельным поколением. Пожары, землетрясения, миграционные потоки не способствовали формированию устойчивых признаков. Стабильным критерием был невысокий материальный достаток жителей, что отражалось в архитектуре района и большом количестве временных построек (*gesekondu* — постройки за одну ночь), которые стали своеобразной визитной

карточкой этих районов. Дизайн пространства сложился в 1970–1990-е годы (кроме некоторых кварталов с ранней застройкой XIX — первой половины XX века). В это время проходит уплотнение кварталов, окончательно оформляются границы улиц. Характер застройки задан зданиями 1980-х годов. Их конструкция не меняется и в последующие десятилетия — четырехэтажные с одним входом. В отделке фасадов зданий используются недорогие и наиболее распространенные материалы того времени. Внешне дома не обладают особым колоритом. Они скорее повторяют черты провинциальной застройки, что выполняет важную функцию в адаптации переселенца. Мы видим тот же эффект, что и в случае с мигрантами в Эдикуле в 1920–1930-х годах. Тогда они попадали в окружение садов и огородов в городе. Сейчас мигранты также видят дизайн, близкий их современным «родным местам». Пространство присваивается по аналогии. Сообщество переселенцев не просто вживается в окружение, но и преобразует его в соответствии со своими вкусами. Традиционность воспринимается ими как копирование своих региональных, но не стамбульских традиций.

Нужно отметить, что в исследуемых районах заметна тенденция к реорганизации общественного пространства, к созданию скверов внутри кварталов. Это решает важную проблему мест социальной коммуникации. Места для встреч, прогулок с детьми, совместных пикников практически отсутствовали в этих районах еще несколько лет назад. Дизайн скверов включает кафе. Клумбы, тротуары и детские площадки сводят к минимуму или вообще исключают пространство для традиционных мангалов и самоваров. Практика семейного чаепития на улице для многих еще не предполагает кафе, но самовар заменен термосом. То есть мы видим слом модели поведения, который вызван изменением дизайна пространства. Совместное чаепитие остается и еще не переводится в культуру кафе, но пока изменяются инструменты «чайного действия».

Таким образом, дизайн пространства способствует укоренению мигрантов из провинции в новой ситуации. Кроме того, он создает условия для перенесения мигрантами своих повседневных практик (торговли, ведения хозяйства, организации взаимодействия с соседями). Сохраняется привычный образ жизни, а поскольку ни внешний вид окружения, ни характер отношений не меняются, то возникает уверенность в правильности и традиционности такого образа жизни. Это обманчивое впечатление становится основой для убежденности в истинности именно этого способа жизни, в результате у этого сообщества формируется представление о праве на моральное преимущество.

Аутентичность как эмоциональность

Изучение процесса преобразования городского пространства Стамбула представляет особый интерес. Здесь одновременно сосуществует несколько форм и исторических этапов. Турецкий историк города Д. Кубан критикует созданный архитектурный стиль Стамбула, называя его «архитектурным хаосом» [5, p. 550], но в то же время этот хаос становится препятствием для «безымянной американской модели Стамбула» [5, p. 555]. Мы не говорим о новых районах, где американская урбанистическая схема может прижиться. Стилистическое архитектурное разнообразие старых районов было вовремя оценено. По ряду причин Стамбул ли-

шился большей части светской архитектуры XIX–XX веков в границах Федосиевых стен. Ее незначительные фрагменты уцелели в Фенере, Балате, Явуз Султан Селим и Эдикуле. Их ценность в обыденности. Это не дворцы или монументальные общественные здания, а дома для жизни. Их сохранение делает возможным увидеть город неоднозначной исторической эпохи. Примечательно, что здесь сохранилась старая ткань городского пространства, которая полностью была разрушена в других районах, например на площади Эминёню.

Развитие Балата, Фенера и Эдикуле — это не пример европеизации XIX века, как Галата или Бейоглу, а аутентичное пространство, сформированное в границах и традициях старого города. Дома как бы уменьшены в масштабе по сравнению с домами, скажем, в Бейоглу. Мы видим имитацию нового качества жизни, прикрытую модными фасадами начала прошлого столетия. Здесь невозможны просторные новые квартиры с большими кухнями и ванными комнатами, потому что здания втискиваются в старые границы домов и улиц. Их первые этажи — традиционные лавки, а не модные универмаги. Они предназначены для местного сообщества, а не для приезжей публики. Это пространство, созданное «для себя», которое организуется в плотную и функциональную ткань города.

Однако за последние пять лет интерес к этой территории изменился, что особенно заметно в районе улиц Hızır Çavuş Küprübaşı, Vodina, Lavanta, Yildirim. И самым ярким примером этого является реакция рынка недвижимости, который демонстрирует двукратное увеличение цены на недвижимость. Мы видим, что «открытие» этих районов совпало с мировыми тенденциями развития города. Интерес к истории старых кварталов — не просто технологии увеличения доходности земельного участка. Это создание новой системы потребления пространства города.

В первом десятилетии XXI века Ш. Зукин отмечает изменения в самой структуре рынка недвижимости, связанные с эмоциональностью восприятия пространства, определенной как аутентичность [1, р. 10]. Городское пространство будущего — это пространство, порождающее эмоции. Производство пространства города и производство эмоций взаимосвязаны. Поэтому новое открытие кварталов старой застройки Балат, Фенер, Султан Явуз Селим, Дервиш Али, так же как и Эдикуле, имеет большой потенциал. Реализация этого потенциала наиболее заметна в Балате и Фенере. Обновление улиц Lavanta, Vodina, Yildirim привело к созданию «эмоционального пространства». Они отвечают запросам современной урбанистики в отношении возвращения к человеческому масштабу зданий и улиц. Но возникает проблема окружения, которая не может быть решена по примеру Нью-Йорка или Лондона [28].

Согласно анализу материалов сайтов TripAdvisor, «О Стамбуле профессионально», «Русский Стамбул», районы Балат и Фенер характеризуются как «неформальный», «натуральный», «подлинный» город, который туристами «был открыт случайно по дороге из музея Кахрие-Джами». Туристам, которые собираются посетить Стамбул, районы представлены как аутентичная зона.

Обращают на себя внимание фотографии и описание предлагаемых для аренды квартир Airbnb «Find Villas near Balat on Airbnb». Интерьер помещений подчеркивает историчность зданий: кирпич, открытые деревянные и металлические элементы конструкций и т. п. Реклама делает акцент на особенностях апартаментов как части старого, традиционного Стамбула. Старые здания этих районов не соот-

ветствуют современным требованиям к городской квартире. В большинстве случаев весь дом в два-три этажа — это одна малогабаритная квартира для отпуска или деловой поездки. Пространство этих квартир вполне передает ощущение пребывания в необычном месте и в особых условиях. Таким образом, рынок недвижимости уловил тенденции развития района. Недостатки этих помещений превращены в бренд старого города. Реклама арендуемых квартир использует визуальный образ аутентичного пространства, и мы видим, как срабатывает система самоорганизации городского пространства.

Заключение

Сложность изучения формирования аутентичности в том, что это постоянно происходящий процесс. На практике он проявляется одновременно как индивидуальные и коллективные процессы, отражающие определенную стадию идентификации. Этот процесс выступает как контингентное и контекстуальное событие. Изменение качества, количества и контекста взаимодействия носителей различных идентичностей приводит к разным результатам, что, в свою очередь, накладывается на локальные и темпоральные представления об аутентичности, придавая ей достаточно подвижную структуру. Внешние черты проявления аутентичности в архитектуре, дизайне пространства, одежде, речевых особенностях и т. п. — все это достаточно условно и изменчиво. Самым важным здесь является не наличие этих черт, а способность их комбинирования для производства ансамбля аутентичности. Д. Кубан отмечает, что небоскребы и моллы — демонстрация современности Стамбула, но небоскребы, моллы, мосты, новые офисные строения мы делим с другим миром, и только 5 % зданий — историческое наследие [5, p. 544]. Именно эта часть урбанистического пространства формирует представления об аутентичности, точно так же, как и стиль жизни людей в этом пространстве задает образец социального поведения. Носители интернациональной урбанистической культуры всегда оказываются в меньшинстве и выступают фоном для проявления не столько традиционной стамбульской городской культуры, сколько культуры региональных мигрантов, подменяющей стамбульскую традиционность адаптированной провинциальностью.

Литература

1. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
2. Зукин Ш. *Культуры городов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 419 с.
3. *Landscapes of Global Urbanism: Power, Marginality, and Creativity*. Tokyo conference of the International Sociological Association Research Committee 21 (urban and regional development) from 17–20 December 2008. International House of Japan, Tokyo. URL: <https://www.geog.ucl.ac.uk/news-events/news/news-archive/2009/january-2009/power-and-marginality-in-global-urbanism> (дата обращения: 04.08.2018).
4. Gehl J. *Cities for People*. Copenhagen: Island Press, 2010. 143 p.
5. Kuban D. *Istanbul an urban history: Bizantin, Constantinopolis, Istanbul*. Istanbul: İsbank, 2010. 592 p.
6. *Human potential and urban environment*. Materials of the IV Moscow Urban Forum. URL: http://2016.mosurbanforum.ru/books/issledovanie_gorodov_rf_bor_ba_za_gorozhanina_chelovecheskij_potencial_i_gorodskaya_sreda/ (дата обращения: 04.08.2018).

7. От Москвы до Сан-Паулу: Исследование городов семи ведущих стран с развивающейся экономикой за 2014 год. IV Московский урбанистический форум. URL: http://2016.mosurbanforum.ru/books/issledovanie_ot_moskvy_do_san-paulu/ (дата обращения: 04.08.2018).
8. Istanbul Urban Age 2009. Copenhagen: LSE, 2010. 56 p.
9. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 384 с.
10. Ло Дж. Объекты и пространства. Социология вещей. Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 223–244.
11. Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
12. Isin E. Everyday Life in Istanbul: Social Historical Essays on People, Culture and Spatial Relations Hardcover. Istanbul: Yapi Kredi, 2003. 361 p.
13. Kafescioğlu C. Konstantinopolis/Istanbul: Cultural Encounter, Imperial Vision and the Construction of the Ottoman Capital. Philadelphia: Pennsylvania Press, 2009. 296 p.
14. Kocabas A. Planned gentrification in Istanbul: The Sulukule Renewal Area 2005–2010 // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2011. November. Vol. 6, no. 4. P. 420–446.
15. Kocabas A. Urban conservation in Istanbul's Historic Peninsula: Progress and challenges // The Sustainable City VII, Conference Paper. 2012. May. Vol. 1. P. 331–342.
16. Cem B. A Neighborhood in Ottoman Istanbul: Fruit Vendors and Civil Servants in the Kasap Ilyas Mahalle. Albany: State University of New York, 2003. 484 p.
17. Ugur Y. A History of Istanbul from Ancient Times to the XXI century. Istanbul: Istanbul Boğaziçi University, 2015. 404 p.
18. Antik Çağdan 21. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi Ansiklopedisi. İstanbul, 2015. Vol. 3. 530 p.
19. Strategic Vision, field studies in Unesco areas of cultural heritage in Istanbul, and suggestions for an action plan. 2015–2016. URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-devam-eden-projeler/istanbul-kulturel-miras-ibb-unesco> (дата обращения: 04.08.2018).
20. Towards A New Phase in Studies of Turkey Domestic Migration: 1985–1990, 1995–2000. Migration Flows and Immigrant Profiles. URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-tamamlanan-projeler/turkiye-ic-goc-calismalarinda-yeni-evreye-dogru> (дата обращения: 04.08.2018).
21. İstanbul Workplaces 1900–2011: Change and Continuity in the Structure and Composition of Metropolitan Center Workplace has been supported by TÜBİTAK (Scientific And Technological Research Council Of Turkey). URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-tamamlanan-projeler/istanbul-isyerleri-1900-2011> (дата обращения: 04.08.2018).
22. Артеменко А. П., Артеменко Я. И. Экзистенциальные основания ментального образа города // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. 2018. Vol. 15 (2). P. 239–256.
23. Arşiv. URL: <http://sehirharitasi.ibb.gov.tr/> (дата обращения: 12.02.2019).
24. Hacıhasanoğlu O. Cultural processes and physical change in Sisli — Istanbul // Habitat International. 2006. Vol. 30. P. 902–915.
25. Yücesoy E. Contested Public Spaces vs. Conquered Public Places, Gentrification and Its Reflections on Urban Public Space in Istanbul “Public Istanbul”. Berlin: Transcript Verlag, 2008. P. 29–48.
26. Yanik L. The Metamorphosis of «Metaphors of Vision»: «Bridging» Turkey’s Location, Role and Identity After the End of Cold War // Geopolitics. 2009. Vol. 14 (3). P. 50–56.
27. Ölçer E. Hane’lerden numaralı ev’lere. Osman nurişgin’den 1927 istanbul’u bina ve arazi cetvelli. İstanbul, 2015.
28. Artemenko A., Artemenko Ya. Mental Image of The City // Humanities Bulletin. 2018. Vol. 1 (1). P. 82–90.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2019 г.;
рекомендована в печать 5 марта 2019 г.

Контактная информация:

Артеменко Андрей Павлович — д-р филос. наук, проф.; prof.artemenko@mail.ru
Юджесои Эда Юнлю — д-р; edayucesoy@sehir.edu.tr

Istanbul quarters authenticity: local communities and space design

A. P. Artemenko¹, Yücesoy Eda Ünlü²

¹ Kharkov State Academy of Culture,
4, Bursatsky spusk, Kharkov, 61057, Ukraine

² İstanbul Şehir Üniversitesi Dragos Kampüsü Orhantepe Mahallesi,
Turgut Özal Bulvarı, No: 21, Dragos, Kartal İstanbul, Turkey 34865

For citation: Artemenko A. P., Yücesoy Eda Ünlü. Istanbul quarters authenticity: local communities and space design. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2019, vol. 12, issue 2, pp. 164–175. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.204> (In Russian)

The research subject is the urban space of the modern metropolis historical districts. This space is presented as a contingent, topological formation that forms collective identities and models of social behavior. The authors explore the mechanism of visualization of social practices in the historical areas of Istanbul (Yedikule, Sultan Selim Yavuz, Balat and Dervish Ali). The authors argue that space design reflects the process of converting non-traditional socio-cultural practices in the general city social environment. The use of an interdisciplinary approach to the study revealed the markers of cultural and social practices of the historical districts' population of Istanbul, to conduct a comparative analysis of the urban culture of traditional inhabitants and migrants. The combination of historical, sociological and cultural approaches helped to analyze the formation of cultural norms and values. The article presents the author's view on the history of the formation of ideas about the districts authenticity of Istanbul. Describes the regional specificity of visual practices and the formation of citizen social behavior. The influence of regional migrants on the physical and social space design is demonstrated. Visual practices are both a form of adaptation of migrants and the conversion of practices in the city environment. We have identified visual markers of historical eras and cultural influences on the formation of Istanbul modern urban space. Visual identification of objects that reflect social practices and the corresponding visual changes in the urban space of different periods has been carried out.

Keywords: space design, local communities, visual practices, everyday life, urbanism, authenticity.

References

1. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford, Oxford University Press, 2010.
2. Zukin S. *Kul'tury gorodov [Culture of The cities]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 419 p. (In Russian)
3. *Landscapes of Global Urbanism: Power, Marginality, and Creativity*. Tokyo conference of the International Sociological Association Research Committee 21 (urban and regional development) from 17–20 December 2008. International House of Japan, Tokyo. URL: <https://www.geog.ucl.ac.uk/news-events/news/news-archive/2009/january-2009/power-and-marginality-in-global-urbanism>. (accessed on 04.08.2018).
4. Gehl J. *Cities for People*. Copenhagen, Island Press, 2010. 143 p.
5. Kuban D. *Istanbul an urban history: Bizantin, Constantinopolis, Istanbul*. Istanbul, İsbank Publ., 2010. 592 p.
6. Human potential and urban environment. *Materials of the VI Moscow Urban Forum*. URL: http://2016.mosurbanforum.ru/books/issledovanie_gorodov_rf_bor_ba_za_gorozhanina_chelovecheskij_potencial_i_gorodskaya_sreda/ (accessed on 04.08.2018).
7. Ot Moskvy do San-Paulu: Issledovanie gorodov semi vedushchikh stran s razvivaiushcheisia ekonomikoi za 2014 god. [From Moscow to Sao Paulo: A study of seven major cities of the emerging economies in 2014.] *Materials of the IV Moscow Urban Forum*. URL: http://2016.mosurbanforum.ru/books/issledovanie_ot_moskvy_do_san-paulu/ (accessed on 04.08.2018). (In Russian)

8. *Istanbul Urban Age 2009*. Copenhagen, LSE Publ., 2010. 56 p.
9. Latour B. *Peresobiraia sotsial'noe. Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Rebuilding social. Introduction to actor-network theory]. Moscow, GU VShE Publ., 2014. 384 p. (In Russian)
10. Low J. *Objects and spaces. Sociology of things*. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006, pp. 223–244. (In Russian)
11. Serto M. de. *Izobretenie povsednevnosti* [Invention of everyday life]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2013. 330 p. (In Russian)
12. Isin E. *Everyday Life in Istanbul: Social Historical Essays on People, Culture and Spatial Relations Hardcover*. Istanbul, Yapi Kredi, 2003. 361 p.
13. Kafeschiolu C. *Konstantinopolis/Istanbul: Cultural Encounter, Imperial Vision and the Construction of the Ottoman Capital*. Philadelphia, Pennsylvania Press, 2009. 296 p.
14. Kocabas A. Planned gentrification in Istanbul: The Sulukule Renewal Area 2005–2010. *International Journal of Sustainable Development and Planning*, 2001, November, vol. 6 (4), pp. 420–446.
15. Kocabas A. Urban conservation in Istanbul's Historic Peninsula: Progress and challenges. *The Sustainable City VII*, 2012, vol. 1. Conference Paper. Istanbul, 2012, p. 331–342.
16. Cem B. A. *Neighborhood in Ottoman Istanbul: Fruit Vendors and Civil Servants in the Kasap Ilyas Mahalle*. Albany, State University of New York, 2003. 484 p.
17. Ugur Y. *A History of Istanbul from Ancient Times to the XXI century*. Istanbul, Boğaziçi University, 2015. 404 p.
18. *Antik Çağdan 21. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi Ansiklopedisi İstanbul* [The Encyclopedia of Istanbul from the Ancient Age to the 21st Century]. Istanbul, Yapi Kredi, 2015. Cilt 3. 530 p. (In Turkish)
19. *Strategic Vision, field studies in UNESCO areas of cultural heritage in Istanbul, and suggestions for an action plan. 2015–2016*. URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-devam-eden-projeler/istanbul-kulturel-miras-ibb-unesco> (accessed on 04.08.2018).
20. *Towards A New Phase in Studies of Turkey Domestic Migration: 1985–1990, 1995–2000 Migration Flows and Immigrant Profiles*. URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-tamamlanan-projeler/turkiye-ic-goc-calismalarinda-yeni-evreye-dogru> (accessed on 04.08.2018).
21. *Istanbul Workplaces 1900–2011: Change and Continuity in the Structure and Composition of Metropolitan Center Workplace has been supported by TÜBİTAK (Scientific And Technological Research Council Of Turkey)*. URL: <https://www.sehir.edu.tr/en/research/ResearchCenters/CenterforUrbanStudies/projects/sam-tamamlanan-projeler/istanbul-isyerleri-1900-2011> (accessed on 04.08.2018).
22. Artemenko A. P., Artemenko Ya. I. *Ekzistencialnye osnovania mentalnogo goroda* [Existential foundations of the mental image of the city]. *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi* [Modern Turkluk Arastirmamari Dergisi]. *Journal of Modern Turkish Studies*, 2018, vol. 15 (2), pp. 239–256. (In Russian)
23. Arşiv. URL: <http://sehirharitasi.ibb.gov.tr/> (accessed on 12.02.2019). (In Turkish)
24. Hacıhasanolu O. Cultural processes and physical change in Sisli — Istanbul. *Habitat International*, 2006, vol. 30, pp. 902–915.
25. Yucesoy E. Contested Public Spaces vs. Conquered Public Places, Gentrification and Its Reflections on Urban Public Space in Istanbul. *Public Istanbul*. Berlin, Transcript Verlag, 2008, pp. 29–48.
26. Yanik L. The Metamorphosis of «Metaphors of Vision»: «Bridging» Turkey's Location, Role and Identity After the End of Cold War. *Geopolitics*, 2009, vol. 14 (3), pp. 24–32.
27. Olcer E. House number from households. Osman nuriergin's building and land cetvellri from 1927 in Istanbul, 2015. (In Turkish)
28. Artemenko A., Artemenko Ya. Mental Image of The City. *Humanities Bulletin*, 2018, vol. 1 (1), pp. 82–90.

Received: February 14, 2019

Accepted: March 5, 2019

Author's information:

Andrei P. Artemenko — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; prof.artemenko@mail.ru

Yücesoy Eda Ünlü — Dr.; edayucesoy@sehir.edu.tr